

Д.Я. Майдачевский

МЕТАМОРФОЗЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: случай «Истории труда», 1920-е гг.

Период конца XIX—начала XX вв. характеризуется интенсивным процессом дисциплинизации или фрагментации экономического знания, ведущим к выделению субдисциплин в экономической науке. Революция 1917 г., «потрясая» до основания систему науки и образования, направила течение этого процесса по новому руслу. В нашей стране началось становление своеобразной «марксистской исторической политической экономии» или «теории исторической экономики» (как нередко называли ее издания тех лет), в предмете которой постепенно «растворялась» экономическая история, терявшая при этом статус экономической субдисциплины. Наиболее отчетливо метаморфозы дисциплинарной структуры экономической науки видны на примере пришедшей не только в среднюю, но и высшую школу дисциплины «История труда».

Учебная дисциплина «История труда»: от Петрограда до Читы

В 1918 году Комиссариат народного просвещения Союза Коммунистической Северной Области (Петроград)¹ произвел подлинный переворот в обществоведческом цикле дисциплин, введя в учебные планы второй ступени единой трудовой школы (для учащихся 8–9 классов) «социологию» и «политическую экономию». Этим шагом, как отмечали издания тех лет, удовлетворялись «задержанные потребности» школы. Благодаря усилиям сторонников «интеллектуальной школы», достоянием образования становились знания, являвшиеся в науке «общим местом», но в «старую», дореволюционную школу проникавшие «в ограниченных дозах, контрабандным путем».

Мы не будем останавливаться на анализе взглядов идеологов этой реформы, связавших воедино биологию (а точнее, венчающую ее идею «трансформизма»), политическую экономию, социологию и философию культуры, замыкающую цепочку дисциплин, призванных продемонстрировать учащимся функциональную зависимость всех сторон человеческой культуры². Сосредоточим внимание лишь на одном из звеньев этой цепочки — политической экономии, а точнее — истории труда, поскольку именно такое название дали этой дисциплине авторы реформы. Заметим, звене ключевом, поскольку, как полагали приверженцы «новой школы» из далекой от Петрограда Читы (в 1922 г. переиздавшие программу и включившие дисциплину в учебные планы школ ДВР), политическая экономия «помимо анализа форм организации труда, должна явиться генерализирующей наукой, представляющей общий процесс закономерного исторического развития человеческого общества»³.

Интерес к учебной программе по истории труда, появившейся вслед учебной литературе по этой дисциплине, а также завязавшейся вокруг нее дискуссии, вызван не только включением политической экономии в число дисциплин, изучаемых в школе, хотя до революции она и преподавалась лишь в восьмиклассных коммерческих училищах. Не было одной лишь данью революционной моде и изменение названия дисциплины, притом, что отказ от прежних «имен» получил в эти годы небывалый размах. И терминологические новации, и педагогический поиск в школе рассматриваются нами как предтеча изменений в науке. На примере школьной дисциплины «история труда»⁴ наглядно видны изменения, происходившие в содержательно-предметных основаниях экономической науки, которые отразятся впоследствии на статусе входящих в нее дисциплин.

«История труда», будучи включена в учебные планы в 1918 году, лишь год спустя обрела, пусть и носящую рекомендательный характер, но доведенную до сведения всех учителей, программу. Этот год прошел в исканиях педагогов. По свидетельству С.Г. Лозинского, в 1918/19 учебном году преподававшего в Петроградской единой трудовой школе, в ходе этих исканий были выработаны, как минимум, три точки зрения на дисциплину. Согласно первой из них, ставился знак равенства между

историей труда и *политической экономией*. Сторонники второй рассматривали новый предмет как часть истории материальной культуры — «*историю орудий труда*». И, наконец, приверженцы третьей считали историю труда подотделом всеобщей истории, частью *экономической истории*⁵.

Авторы же программы пошли по совершенно иному пути. В своей объяснительной записке к программе они сразу же заявили об отказе от сложившегося в науке и принятого образованием, а на их взгляд, «искусственного», *деления экономической науки на «политическую экономию», «историю экономического быта» и «экономическую политику»*. Такая дифференциация экономических наук, по их мнению, «грешила» против научного понимания предмета политической экономии. Научного, в данном случае, означает — исторического. Если прежде «...преподавание основ политической экономии сводилось исключительно к характеристике современного, капиталистического строя», то в новых условиях, считали разработчики программы, нельзя обойтись «...без предварительного ознакомления учащихся с предшествующими ступенями развития»⁶.

Иначе был определен ими и предмет изучения политической экономии. Таковым объявлялись *формы общественной организации труда*, в силу чего политическая экономия и становилась наукой «*строющей законы развития форм организации труда*», или коротко — «*историей труда*».

Важным элементом изложения, по мнению авторов, являлось ознакомление учащихся с категориальным аппаратом политической экономии: «определения основных понятий, которыми оперирует наука, [составители] ввели в изложение самого процесса развития форм организации труда, с таким расчетом, чтобы историческое изложение подготовляло бы к усвоению этих определений»⁷.

Чтобы лучше понять причины изменений, произошедших в содержательно-предметных основаниях политической экономии, следует дать краткую характеристику взглядов авторов рассматриваемой программы.

Пояснительная записка с неоспоримой очевидностью демонстрирует влияние на содержание первых советских школьных программ идей Александра Александровича Богданова

(Малиновского) (1873–1928). Именно в его «Кратком курсе экономической науки», «Начальном курсе политической экономии», а также в написанном совместно с И.И. Степановым (Скворцовым) «Курсе политической экономии» мы видим *отказ от дифференциации экономической науки* на политическую экономию, экономическую политику и историю экономического развития; находим определение экономической науки (политической экономии) как учения о *социально-трудовых* отношениях между людьми, чем, однако, не исчерпывалось содержание предмета науки, куда включались также «формы производства, присвоения, обмена и распределения», *изучаемые исторически*. Именно у Богданова изложение политической экономии как истории развития форм хозяйственной жизни *сопровождалось рассмотрением и анализом экономических категорий*, вводимых в ткань повествования по мере их исторического возникновения.

Проводником в программе богдановских идей и составителем пояснительной записки был, очевидно, член гуманитарной экспертной комиссии, созданной А.В. Луначарским при Комиссариате народного просвещения СКСО, Борис Александрович Фингерт (1890–1960), в 1919–1922 гг. заведовавший кафедрой социологии в Первом педагогическом институте. Это предположение подтверждает, например, факт издания программы по истории труда «под одной обложкой» с программой по социологии и то, что значительная часть пояснительной записки к ней посвящена взаимоотношению этих двух дисциплин. Кроме того, вскоре после их выхода в свет в журнале «Вестник просвещения», издававшемся Комиссариатом народного просвещения СКСО, появилась его статья «Обществоведение в старой и новой школе», местами *дословно* воспроизводившая текст пояснительной записки *без отсылки к источнику*⁸.

Именно Б.А. Фингерту, хотя и скрывшему свое имя за подписью «член экспертной комиссии подотдела подготовки работников просвещения Петргуботнароба», принадлежит авторство вступительной заметки к «Начальному курсу политической экономии» А. Богданова, выпущенному в 1921 г. этим подотделом. Эта заметка не только в очередной раз выстраивает уже знакомую нам цепочку учебных дисциплин, «исследующих закономерности общественных явлений ... в их связи с явлениями природы»,

но и вполне определенно указывает на «марксистски построенную» политическую экономию А.А. Богданова как единственно соответствующую «требованиям, вытекающим из положения, которое занимает политическая экономия в системе дисциплин, преподаваемых в трудовой школе»⁹.

В случае с «историей труда» мы имеем дело фактически с богдановской *«марксистской исторической политической экономией»*. Основные характеристики последней — видение предмета, способов его изучения и изложения материала — нашли отражение в *пояснительной записке* к программе, но не видны в содержании последней, что позволяет предположить существование у пояснительной записки и программы разных авторов.

«Историческая политэкономия» или «экономическая история»?

Составителем программы выступил, по всей видимости, другой член гуманитарной экспертной комиссии, известный русский историк Николай Александрович Рожков (1868–1927), принимавший непосредственное участие в подготовке программы по истории¹⁰.

При отсутствии прямых указаний, наиболее весомым аргументом в пользу участия Н.А. Рожкова в составлении программы и по истории труда является тот, не вызывающий сомнений факт, что из всех членов экспертного совета лишь *он один* имел необходимые для этого знания, опыт и квалификацию. Н.А. Рожков задолго до революции не только снискал авторитет ведущего специалиста *в области экономической истории*, но и выпустил в 1901 году «Учебник русской истории», в котором попытался в доступной и популярной форме изложить учащимся средних учебных заведений *экономическое понимание* отечественной истории¹¹. Называя новой, любопытной и оригинальной попытку Рожкова «провести единый, цельный взгляд, исходя из определенных *теоретических формул о хозяйстве*», на русский исторический процесс, рецензент журнала «Образование», тем не менее, указывал на неподготовленность современного ему читателя, не только учащихся, но и учащихся, к восприятию учебного материала. Решаясь начать изложение истории с «теоретических формул», автор, на его взгляд, «должен был предпослать

им элементарные сведения из области политической экономии». В этой связи рецензент поднимал вопрос о *необходимости введения преподавания политической экономии в средней школе*, главным образом, из-за востребованности экономических знаний исторической наукой, строящей в соответствии с ними уже и учебные пособия¹².

Мог ли Н.А. Рожков безоговорочно принять все построения А.А. Богданова? Что привлекательного мог он увидеть в них? Какие поправки счел целесообразным внести?

Ответы на эти вопросы были, отчасти, даны за много лет до начала работы над программой в опубликованной им рецензии на вышедший в 1910 г. первый том «Курса политической экономии» А.А. Богданова и И.И. Степанова. В ней он писал: «Маркс в своих трудах, особенно в “Капитале”, заложил прочное основание политической экономии, очищенное от буржуазно-вульгарных примесей. Его последователи обязаны, неустанно *проводя специальные историко-экономические исследования прошлого и настоящего, развивая экономическую теорию и опираясь на все ценное во вновь появляющихся работах буржуазных экономистов и историков, сводить результаты всех этих трудов воедино*»¹³. Книга Богданова и Степанова и оценивалась им именно как весьма интересная попытка *обобщающего изложения* результатов таких историко-экономических исследований.

Обобщающее изложение результатов таких исследований должно было дать учащимся представление о *наиболее характерных для каждой исторической эпохи формах социальной организации людей в процессе их хозяйственной (трудовой) деятельности*. В истории труда, поэтому, нет места событиям, персоналиям, географической и национальной специфике и т.д. Сравнивая отдельные сюжеты истории различных стран, считал историк, можно придти к ценным не только историческим, но и социологическим выводам — научным обобщениям, которые и составляют конечную цель исторической науки.

В программе перед нами предстают формы организации экономики в их последовательном развитии, но вне конкретного времени и пространства. С одной лишь поправкой. Для «экономиста» Богданова выработка представлений об основных институтах той или иной «экономической системы» в их «чистом виде»

является *прерогативой политической экономии*: «действительная экономическая история не знает ... униформизма, т.е. единообразной последовательности конкретных общественно-производственных форм»¹⁴. Для «историка» Рожкова (весьма критически, заметим, относившегося к построениям «исторической школы» в экономической науке за отсутствие у той попыток методологической идентификации экономической истории как самостоятельной отрасли знания) изучение эволюции хозяйственных форм — *основная задача именно экономической истории*.

Программа не копирует структуру богдановских учебников. В ней, впрочем, вообще отсутствует столь привычная для нас увязка структуры курса с той или иной периодизацией истории, по которой, как правило, можно было безошибочно установить его автора. В этом смысле программа по истории труда является далеко не рядовым учебно-методическим документом, поскольку, на наш взгляд, представляет собой попытку *соединения всего лучшего, что выработала дореволюционная практика преподавания экономической истории*. Не нужно особых усилий, чтобы обнаружить в ней элементы историко-экономических построений не только самого Н.А. Рожкова (расширение района хозяйственной деятельности как ведущий фактор экономического развития), но и П.П. Маслова (изолированное хозяйство как начальный этап экономической эволюции), И.М. Кулишера (разделы программы, посвященные характеристике хозяйства средневекового города, цеховому ремеслу). По этой причине, думается, программа осталась анонимной учебно-методической разработкой.

Взглядам Н.А. Рожкова на соотношение «исторического» и «экономического» вполне отвечал способ изложения учебного материала в программе, когда рассказ об эволюции форм хозяйственной организации сопровождался знакомством с экономическими понятиями и категориями. Но не превращение политической экономии в историческую науку, а укрепление союза исторической науки с наукой экономической, т.е. *использование всего спектра выработанных ею понятий для интерпретации фактов истории* — так мог бы их сформулировать ученый. Это «почувствовали» даже историки педагогики советской эпохи: «программа по политической экономии (истории труда) пред-

ставляла собой соединение истории хозяйственных форм и теоретической политической экономии»¹⁵.

Как нам представляется, даже название курса — «История труда (политическая экономия)» — следует рассматривать как компромисс между двумя подходами к сочетанию «исторического» и «экономического», т.е. между богдановской «марксистской исторической политэкономией» и рожковской «историей, оплодотворенной политической (теоретической) экономией».

Учебная литература

Начиная с 1920 года, появляются учебные издания, носившие то же название, что и включенная в учебные планы дисциплина. Они достаточно четко разделились на две группы в соответствии с *взглядами их авторов на историю труда как предмет знания*. Примером первой является курс С.Г. Лозинского, имевший в первом издании (всего нам известно их пять) название «История труда в связи с изменениями в хозяйственной жизни Западной Европы», но уже со второго изменивший подзаголовок в сторону большей определенности на «Очерки по экономической истории».

В предисловии автор специально указывал на свое стремление «придать этому ... новому предмету исторический характер и взглянуть на него, как на дополнительный курс по истории, в котором излагается экономическое развитие Европы приблизительно в таком же объеме и в такой же форме, в каких преподавалась и преподается учащимся высших классов политическая и культурная история Европы»¹⁶. Желая подчеркнуть *исторический характер* предмета изложения, настаивая на необходимости превратить историю труда в конкретную *историческую дисциплину* и полемизируя с составителями программы по истории труда, Лозинский в последующих изданиях своей работы даже заменил первую «экономическую» главу «Труд — как основа ценности» другой, «исторической» — «Хозяйственная жизнь первобытных и варварских народов», сохранив, при этом, прежнее название всей книги.

Работа С.Г. Лозинского была благожелательно встречена критикой. Откликнулся на ее выход в свет, например, такой видный представитель историко-экономической науки как В.В. Святлов-

ский, назвавший ее «кратким *гимназическим курсом по общей экономической истории Европы*»¹⁷. Фактически был солидарен с ним рецензент журнала «Книга и революция», считавший, что книга Лозинского удачно заполняет пробел в учебной историко-экономической литературе. Если в высшей школе прочны позиции «Лекций по истории экономического быта Западной Европы» И.М. Кулишера, то *близкая к ним по типу «История труда»* «...вне всякого сомнения... может быть рекомендована в качестве учебника для средней школы»¹⁸. Даже Ш.М. Дволацкий, высказавший немало критических замечаний в адрес книги, где он не увидел *типологического очерка* истории хозяйства, считал работу пригодной в качестве справочника для лектора и преподавателя¹⁹.

Вторая группа учебных изданий отражала видение истории труда, зафиксированное в пояснительной записке к программе. Хронологически первым стало появление небольшой книжки С.В. Фарфоровского и И.И. Кочергина²⁰. Несмотря на то, что авторы буквально следовали программе Комиссариата народного просвещения СКСО, их труд получил весьма невысокую, а порой и уничижительную оценку. И.И. Степанов рекомендовал авторам этой «торопливо, небрежно, положительно неряшливо» составленной книжки «поступить слушателями в Коммунистический университет с шестимесячным курсом», где бы они научились «краснеть за свои произведения»²¹. Более сдержан в своих оценках был С.Г. Лозинский, направивший критические стрелы не в авторов курса, а в сторону программы, которая «грешит чрезмерной абстрактностью в отношении истории труда, и этот грех не может не чувствоваться во всех тех руководствах и учебниках, которые будут построены на примерной программе»²².

Пессимистические прогнозы С.Г. Лозинского опроверг, появившийся уже в 1922 году, учебник А.И. Тюменева, которому удалось, придерживаясь в целом программы, найти *оптимальное соотношение между историческим и экономическим материалом*. Подтверждением этому является тот факт, что учебник за достаточно короткий срок (с 1922 по 1927 г.) выдержал десять изданий массовыми тиражами, не считая изданий на немецком, еврейском, эстонском, финском и грузинском языках или, как писали в те годы, «для школ национальных меньшинств».

Благожелательны были и рецензенты, представлявшие как экономическую, так и историческую научную и педагогическую общественность. Ш.М. Дволайцкий нашел, наконец, в этой работе сжатый типологический очерк развития хозяйственных форм. В актив автора он занес *близость изложения к действительному процессу хозяйственного развития, т.е. фактам хозяйственной истории*²³. «Толковой и со знанием дела составленной книжкой» назвал учебник Тюменева Н.И. Кареев²⁴. Не обошлось в их рецензиях и без критических замечаний. Однако если первый рецензент указал на конкретные ошибки автора-историка в вопросах теоретической экономии, то второй — коснулся более важных для нашей статьи проблем методологической идентификации историко-экономической науки. Известный русский историк, еще в конце XIX века много писавший об экономическом направлении в историографии, недоумевал по поводу того, что «автор выдает историю труда, как одну из главнейших проблем истории экономического быта, за самое политическую экономию, которая прежде всего есть наука не историческая, а теоретическая. Впрочем, параграф о методах политической экономии объясняет это отождествление автором исторического и теоретического исследования, и многие экономисты, например, не согласятся с его пониманием дедуктивного метода в политической экономии»²⁵.

Последнее замечание было бы более справедливо адресовать истинному «виновнику» — А.А. Богданову, поскольку именно из его работ и было заимствовано определение индукции как выведения общих законов и положений из частных наблюдений, а дедукции, как способа делать частные выводы из полученных индукцией общих положений. История труда использовала определение дедуктивного метода, с которым согласился бы далеко не каждый представитель даже «исторической школы» в политической экономии. Взяв на вооружение столь ограниченно понимаемый метод, она занималась «*дедуктивным*» изучением экономических форм в их последовательном развитии или, говоря иначе, история труда была политической экономией в эволюционном изложении смены форм хозяйственной организации людей.

Любопытно отметить, что А.И. Тюменев уберет это, вызвавшее нарекания критика, положение, а с ним и весь заключитель-

ный раздел учебника, в котором шла речь о предмете и методе политической экономии. Тогда же учебник обретет и новый подзаголовок — «Краткое руководство истории хозяйственных форм и политической экономии». Сделано это будет, лишь начиная с девятого издания, увидевшего свет в 1926 году, когда уже произойдут кардинальные перемены в цикле обществоведческих дисциплин школьной программы и история труда уступит место политической экономии как науке о производственных отношениях капиталистического общества. Все же предшествующие издания будут начинаться с определения *предмета истории труда как науки*, а завершаться определением *предмета политической экономии, не имевших между собою отличий*.

Включение в учебные планы средних школ курса истории труда породило не только обширную учебную литературу, куда помимо учебников следует отнести также выпускавшиеся массовыми тиражами хрестоматии, но и значительное количество научно-популярных работ, по сей день не потерявших значения и составляющих «золотой фонд» отечественной историко-экономической литературы.

Post scriptum, или Судьба дисциплины

В 1920 году Наркомпрос издал «Примерные программы по истории для школ II ступени», разработанные комиссией по преподаванию общественных дисциплин при Отделе единой трудовой школы. В целом они *воспроизводили уже подробно рассмотренную богдановскую схему*. Очень точная общая их характеристика была дана вскоре после выхода Н.И. Кареевым: «по всему видно, что в составе данной комиссии были не одни преподаватели истории, но было и много экономистов. Во-первых, к исторической программе прибавлена еще программа по курсу экономической науки, и во вторых, в программе по истории очень последовательно проведен экономический подход ко всем явлениям истории. Возможно, впрочем, и то, что такова была точка зрения историков, участвовавших в выработке программы»²⁶.

Действительно, каждая тема программы по истории культуры (всеобщей истории) начиналась с рассмотрения проблем истории экономики данного периода, чем достигалась заявленная в пояснительной записке к программе цель: «школьное изучение

истории должно быть введением в понимание движущих сил развития, причем должно быть выяснено обуславливающее все стороны этого процесса значение экономической эволюции»²⁷. Программа же по курсу *экономической науки* (уже не истории труда и даже не политической экономии) напротив *начала терять свое историческое содержание*, сосредоточиваясь на изучении современного капиталистического хозяйства и так называемых переходных форм (военно-государственного капитализма и экономической системы Советской России). Она сделала на этом пути только *первый шаг*, сохранив в качестве своеобразного *исторического введения* раздел, рассматривавший возникновение и развитие системы капитализма, но шаг решительный и не оставлявший сомнений в конечном исходе — в теоретико-методологическом введении *предусматривалось обсуждение с учениками вопроса об отличии экономической науки от истории*.

В самом начале 1925 года в Коммунистической академии состоялась дискуссия по докладу соавтора А.А. Богданова И.И. Скворцова-Степанова, озаглавленному «Что такое политическая экономия?», в котором тот *отстаивал точку зрения на политическую экономию как историческую науку*. Результатом дискуссии стало *временное отступление* приверженцев «марксистской исторической политической экономии»: на политическую экономию стали смотреть как на науку, изучающую лишь товарно-капиталистическую систему, что не могло не отразиться и на школьном курсе этой дисциплины. На практике же, по свидетельству А.Г. Вальнера, история труда, а точнее, хозяйственная история, «имевшая громадный успех» у учащихся, сохраняла свои позиции в школе вплоть до конца 1920-х годов²⁸.

В начале 1930-х гг. в результате очередной дискуссии, на этот раз между сторонниками политэкономии в узком и широком смысле слова, когда подверглись критике подходы Богданова, но уже за попытку *распространить экономические категории капитализма, развитые К. Марксом, на все без исключения общественно-экономические формации*, т.е. фактически за *антиисторизм*, политическая экономия вернулась в лоно исторической науки. История экономики, как следствие, на многие десятилетия потеряла шансы обрести статус самостоятельной дисциплины.

Примечания

¹ В Союз Коммун Северной Области (СКСО) входили: Петроградская, Новгородская, Псковская, Череповецкая, Вологодская, Олонецкая и Архангельская губернии

² Более подробно см.: Красовицкая Т.Ю. Российское образование между реформаторством и революционаризмом. Февраль 1917–1920 год. М., 2002.

³ Шитов Г. К вопросу преподавания общественных наук в новой школе // Вестник просвещения (Чита). 1922. № 1. С. 82.

⁴ Не устояла перед соблазном использовать в названиях учебных курсов по хозяйственной истории словосочетание «история труда» и высшая школа. Назовем, например, читавшиеся в начале 1920-х гг. на Факультете общественных наук 1-го МГУ курсы «Истории хозяйства и форм труда» экономистом А.А. Боровым и «Истории труда в России» историком В.Н. Бочкаревым (Центральный муниципальный архив г. Москвы (ЦММАМ), ф. 1609, оп. 6, д. 31, л. 7; д. 62, л. 21).

⁵ См.: Педагогическая мысль. 1920. № 10–12. С. 84.

⁶ Примерные программы по социологии и по истории труда (политической экономии). Пг., 1919. С. 39.

⁷ Там же. С. 42.

⁸ См.: Фингерт Б. Обществоведение в старой и новой школе // Вестник просвещения. 1919. № 1–3 (9–11). С. 34–44.

⁹ Богданов А. Начальный курс политической экономии (Введение в политическую экономию). В вопросах и ответах. Пб., 1921. С. III.

¹⁰ О своем участии в работе над программой по истории Н.А. Рожков упоминает и сам в предисловии к изданному в 1921 г. учебнику (См.: Рожков Н. Учебник истории всеобщей и русской. Курс систематический — для второй ступени единой трудовой школы и для самообразования. Вып. 1. Пг., 1921. С. 8). О.В. Волобуев, специально занимавшийся изучением педагогической деятельности историка, считает, что программы по истории, социологии и истории труда отражают его методологические и методические взгляды (Волобуев О.В. Н.А. Рожков — методист-историк // Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та. Им. Н.К. Крупской. Т. 121. Истфак. Вып. 5. М., 1965. С. 281). К признанию факта участия Рожкова в составлении программы и по истории труда склоняется, фактически, и Т.Ю. Красовицкая (См.: Красовицкая Т.Ю. Указ. соч. С. 270–271; 316 и послед.).

¹¹ Заметим, что четвертое издание этого учебника увидело свет в Петрограде в 1918 г.

¹² Сторожев В. Новый учебник по русской истории // Образование. 1901. № 10. С. 116–117.

¹³ Современный мир. 1911. № 6. С. 350.

¹⁴ Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. 3-е изд. М., 1920. С. 1920. С. 104.

¹⁵ Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики. 1917–1920. М., 1958. С. 245.

¹⁶ Лозинский С.Г. История труда в связи с изменениями в хозяйственной жизни Западной Европы. Пб., 1920. С. 3. В эту же группу следует включить и «Учебник истории труда» Н.А. Рожкова, открывающийся утверждением: «история труда, это — история хозяйства» (Рожков Н. Учебник истории труда. Л., 1925. С. 4).

¹⁷ Вестник литературы. 1920. № 8. С. 9.

¹⁸ Книга и революция. 1920. № 2. С. 26.

¹⁹ См.: Печать и революция. 1921. Кн. 2. С. 130.

²⁰ Фарфоровский С., Кочергин И. История труда. Курс-справочник для второй ступени трудовой школы, рабочих университетов и самообразования, составленный по лабораторно-трудовому методу, с приложением вопросов, задач, тем для рефератов, таблиц и библиографии. Казань, 1920.

²¹ Книга и революция. 1921. № 7. С. 34, 36.

²² Педагогическая мысль. 1920. № 10–12. С. 85.

²³ См.: Печать и революция. 1922. Кн. 8. С. 133–134.

²⁴ См.: Педагогическая мысль. 1923. № 1. С. 85–86.

²⁵ Там же. С. 85.

²⁶ Педагогическая мысль. 1921. № 9–12. С. 74.

²⁷ Примерные программы по истории для школ II ступени. [Б.м.], 1920. С. 5.

²⁸ Вальнер А.Г. История развития экономического образования и преподавания политической экономии до и после Октябрьской революции // Обществоведение в трудовой школе. 1929. № 3–4. С. 102.